УДК 94(47).084.5
DOI: 10.51255/2311-603X_2021_2_87

Е. А. Кириллова

Коррупция в коммунальном хозяйстве Ленинграда в годы нэпа (по материалам Арендного подотдела)

Коррупция резко возрастает в периоды общественных трансформаций, политических потрясений, когда ухудшается экономическая ситуация и обостряется социальная напряженность. Радикальная смена власти в стране, которой сопутствуют коренное изменение законодательной базы и существенная реорганизация государственных институтов, относится к главным деструктивным, дестабилизирующим общество факторам и, хотя проходит обычно под лозунгами избавления от недостатков прежней бюрократической системы, ведет к росту коррупции. Пришедшие к власти большевики являются тому ярким подтверждением. Созданный ими новый управленческий аппарат оказался не лишен пороков, свойственных старому режиму, и советские служащие, сменившие прежних чиновников, были не менее подвержены корыстным злоупотреблениям по службе. Особенно это проявилось в условиях нэпа, когда волна взяточничества захлестнула органы власти. Проблеме распространения коррупции в хозяйственных органах Петрограда–Ленинграда периода нэпа посвящена эта статья.

В советской историографии рост коррупции в годы нэпа объяснялся большим удельным весом старых чиновников в составе советских служащих и напором на советский аппарат нэпмановской буржуазии[1]. Современные исследователи распространение служебных злоупотреблений в Советской России в тот период объясняют интенсивным развитием сферы частнособственнической

деятельности, находившейся под государственным контролем и ограничениями, ростом бюрократического аппарата при отсутствии общественного контроля над деятельностью органов государственной власти[2]. Усиление коррупции историки связывают с общей либерализацией хозяйственной сферы, которой сопутствовала необходимость подкупа должностных лиц[3]. Плохая материальная обеспеченность ответственных работников, их низкий культурно-образовательный уровень также играли определенную роль[4].

Обычно в публикациях поднимаются вопросы борьбы со взяточничеством как наиболее распространенным видом должностных злоупотреблений, при этом основное внимание историков привлекают своекорыстные действия представителей Советской власти. Значительно реже взяточничество рассматривается как «обоюдный» процесс, как неотъемлемая часть неофициальных взаимоотношений населения и администрации, как социокультурный феномен[5]. Очевидно, что совокупность политических, экономических, социальных, ментальных, нравственных факторов определяла трудность искоренения взяточничества в российском государственном аппарате.

В данной статье на материалах коммунального хозяйства рассматриваются методы взаимодействия и формы незаконного сотрудничества в годы нэпа представителей Советского государства — чиновников и представителей нарождавшегося капитала — частных предпринимателей. Это позволит на конкретном материале выявить особенности возникшей при Советской власти коррупции.

Мы будем опираться на документы одного из подразделений исполкома Петроградского-Ленинградского Совета — Отдела коммунального хозяйства (Откомхоза). Откомхоз в годы нэпа руководил коммунальным хозяйством города, ему подчинялись все предприятия городского благоустройства (водопровод, трамвай), ремонтно-строительные, производственные предприятия местного значения; в его ведении находилась вся муниципализированная недвижимость (муниципализированы Советской властью были крупные каменные строения, как жилые дома, так и здания рынков, торговых рядов, гостиниц). Сотрудникам Откомхоза приходилось иметь дело с большими денежными средствами — это был единственный отдел исполкома Ленсовета, приносивший доход в бюджет города. Арендный подотдел Откомхоза сдавал в аренду коммерческую недвижимость. Кроме того, в аренду сдавались мелкие городские предприятия (бани, парикмахерские), а некоторые работы по благоустройству отдавались в подряд частникам (уборка улиц, вывоз мусора, ассенизация). Поле для коррупции у сотрудников коммунального отдела было обширным, что подтверждают данные разных городов Советской России, приводимые исследователями[6].

На начальном этапе нэпа главным источником дохода для городского бюджета была сдача в аренду торговых и промышленных помещений, поэтому Арендный подотдел приобретал важную роль в хозяйственной жизни Петро-

града. Советская городская власть получила этот источник дохода благодаря политике муниципализации городской недвижимости, включая коммерческую. Такого источника не существовало у городских властей до прихода к власти большевиков, когда недвижимость была частной. Для управления муниципальной собственностью Советская власть должна была создать новую структуру, увеличивая численность управленческого аппарата, тем самым расширяя базу для коррупции.

Арендный подотдел Откомхоза начал свою деятельность с 1 ноября 1921 г. в условиях эксперимента, так как еще не были изданы нормативные правовые акты, в частности определявшие ставки арендной платы[7]. Советские хозяйственные органы не имели никакого опыта работы в этой сфере. Трудность заключалась также в том, чтобы подобрать подходящий штат сотрудников, поскольку аренда была главной областью соприкосновения госслужащих и частников в городском хозяйстве, при этом возникали огромные соблазны использовать служебное положение в личных целях. Главным критерием для назначения на государственные должности являлось членство в РКП(б), и в Арендном подотделе процент коммунистов был одним из самых высоких в Откомхозе: 16% сотрудников подотдела[8]. Но партийность не обеспечивала безупречного поведения и не давала иммунитета от разлагающего влияния частного капитала.

Изучение преступлений по должности неразрывно связано с вопросом о готовности власти противодействовать им, поскольку материалы мероприятий по борьбе с коррупцией дают наиболее достоверные сведения о ее масштабах и формах. Поэтому при работе над статьей использованы материалы карательных органов и кампаний власти, направленных на искоренение недостатков советской системы управления. Особое внимание уделяется делу одного чиновника среднего звена — заведующего Арендным подотделом, которое очень показательно для интересующего нас времени и наглядно иллюстрирует изучаемые процессы.

Рост коррупции в первые годы нэпа стал настолько очевидным для партийно-советских руководителей, что они вынуждены были принимать решительные меры для борьбы с ней. В Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1922 г., взяточничеству была посвящена статья 114. Она предполагала наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой за получение лицом, состоящим на государственной, союзной или общественной службе, лично или через посредников, в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица[9]. Но уже в ноябре того же года в Уголовный кодекс был добавлен пункт об отягчающих обстоятельствах получения взятки, при которых предусматривалось наказание вплоть до высшей меры[10]. Тем самым взятка причислялась к наиболее тяжким преступлениям.

У представителей большевистской партии существовало свое понимание причин коррупции. На совещании руководящих партийных, советских и хозяйственных работников в Петроградском губкоме 4 сентября 1922 г. указывалось, что необходимо немедленно начать самую суровую борьбу со злоупотреблениями и взяточничеством, которые благодаря нэпу и приспособлению к условиям торгового рынка получили сильное распространение среди сотрудников государственных органов[11]. Основной причиной должностных злоупотреблений на совещании было признано распространение посредничества частных лиц (спекулянтов, подрядчиков и т.д.), которые насаждают подкуп и взяточничество в аппаратах учреждений. Одной из причин взяточничества на совещании называлось также совместительство специалистов и сотрудников советских учреждений в частных фирмах[12].

Для ликвидации негативных явлений в советских управленческих и хозяйственных структурах в 1921–1922 гг. была проведена кампания по борьбе со взяточничеством. Это была очередная широко освещаемая в периодической печати кампания большевистской власти, лихорадочно пытавшейся усовершенствовать свой государственный аппарат, избавить его от пороков, свойственных старому режиму. В русле кампании по борьбе со взяточничеством в учреждениях велась «чистка» кадров. Петроградский исполком и его подразделения, в их числе — Отдел коммунального хозяйства, также подлежали тщательной проверке. В начале 1923 г. комиссия по чистке личного состава работала в Откомхозе. Комиссия занималась исключительно беспартийными сотрудниками и «вычищала» по самым разнообразным причинам, в первую очередь увольняла неподходящих по социальным или политическим показателям служащих, обращая мало внимания на их профессиональную квалификацию и опыт работы. Главными критериями отбора были социальное происхождение и идейно-политическая благонадежность[13]. Такой подход был объясним: представители «бывших» в органах власти имели более тесный контакт с социально близкими им нэпманами, следовательно, были более подвержены соблазну оказывать им дружеские услуги.

Однако больших успехов в борьбе со взяточничеством «чистка» в Откомхозе не принесла. У комиссии не было фактов, подтверждавших коррупционную деятельность сотрудников, кроме подозрений и слухов. Из 190 уволенных в процессе «чистки» сотрудников только 12 были квалифицированы как подозреваемые во взяточничестве. Обосновывались увольнения подобным образом: «роскошная жизнь и связь с арендаторами», «ведет большое знакомство со спекулянтами, ходатайствует за арендаторов на предмет скидки арендной платы»[14]. Из электро-механического отделения Технического подотдела были уволены одновременно заведующий и его помощник, «старые» специалисты-инженеры, поскольку имелись сведения, что они были «заинтересованы в передаче ремонта Дворцового моста в руки частной артели»[15].

Тем самым кампания по борьбе со взяточничеством привела к крайне ограниченным результатам, хотя и выполняла функцию устрашения, эффект от которой, впрочем, оказался недолог.

Дальнейшая борьба с должностными преступлениями в Откомхозе велась силами Экономического управления (отдела) ОГПУ — главного органа по борьбе с экономическими преступлениями в годы нэпа[16]. Органы госбезопасности создали налаженную систему по отслеживанию коррупции. В Откомхоз поступали из ОГПУ сообщения, указывавшие на должностные преступления служащих и содержавшие требования уволить сотрудников на основании имевшихся секретных материалов или заведенного судебного дела. Они нередко касались сотрудников Арендного подотдела. Так, в 1925 г. поступили требования об увольнении заведующего Арендным подотделом А. И. Лейбовича, заведующего отделением рынков Арендного подотдела А. И. Немчинова, управляющего Сенным рынком Н. И. Тарасова и еще пятерых сотрудников подотдела[17].

Экономическое управление ОГПУ вело оперативно-агентурную работу, у него были свои осведомители в Откомхозе, которые предоставляли отчеты о состоянии дел в их подразделениях[18]. В Экономическом управлении тщательно собирали сведения о «слабых местах» в подотделах Откомхоза, где был возможен сговор между служащими и предпринимателями[19]. Среди наиболее распространенных видов сотрудничества значился негласный договор между торговцами на рынках и сборщиками платы за право торговли: «Торговцам есть прямой смысл войти в контакт со сборщиком, так как некоторым, в особенности — одежникам и обувщикам, приходится платить 3–4–5 руб. за 1 день толкучего торга, но войдя в контакт со сборщиком, безусловно, они оплачивают ему гораздо меньшую сумму, будучи всегда подготовленными на случай внезапной ревизии по сбору»[20].

Судя по донесениям Экономического управления, между чиновниками и частниками проходил некий неофициальный обмен услугами. Осведомитель Мокров сообщал в конце 1925 г., что помощник заведующего отделением рынков Н. П. Алмазов почти ежедневно являлся на службу в нетрезвом виде, оказывал услуги арендаторам: самостоятельно давал рассрочки на внесение залога или арендной платы без письменного заявления арендатора, «вообще идет навстречу НЭПу», — значилось в доносе[21]. В свою очередь арендаторы не оставались в долгу. По словам того же осведомителя, «на днях, на восьмую годовщину Октябрьской революции был у Алмазова устроен вечер, который имел солидные расходы»: был накрыт стол на 45 человек, с закусками, вином, пивом, водкой. Присутствовали на вечере служащие Арендного подотдела и их близкие родственники. Праздник сопровождался музыкой: 2 балалайки и несколько струнных инструментов из ресторана. А закуска была доставлена «из одной колбасной за какую-то услугу»[22]. Такая практика указывает на тесное сотрудничество обеих сторон: частники, подкупая должностное лицо, надеялись

на дальнейшее взаимодействие и старались сохранить контакт со «своим» чиновником.

Совместительство совслужащих в коммерческих предприятиях встречалось значительно реже, основными подозреваемыми в совместительстве были «старые» специалисты. Но случались и исключения.

В июне 1925 г. заведующий Откомхозом Н. И. Иванов своим приказом снял с должности заведующего отделом эксплуатации Управления канализации и мостовых Откомхоза И. Ф. Белова. Вина его заключалась в следующем: он принял к оплате счет от транспортной артели «Красный путь» за работы по перевозке грузов, причем счет был выписан самим Беловым в качестве заместителя заведующего конторой данной артели. То есть заведующий отделом государственного учреждения по совместительству руководил негосударственной артелью и давал от учреждения подряды этой артели. Заведующий Откомхозом вызвал для объяснений Белова. Тот заявил, что принимает участие в деятельности артели «Красный путь», «оказывая возможное содействие и в некотором роде руководя ею, но никакого вознаграждения за это не получает, а делает это исключительно потому, что артель эта — крестьянская»[23]. При этом заведующий отделом эксплуатации Белов не был случайным человеком в Откомхозе: член партии с 1918 г., он участвовал уже в 1905 г. в активной борьбе с самодержавием, за что подвергался высылке и дальнейшим преследованиям, а с 1917 г. работал в органах Советской власти (член Гдовского исполкома, с 1920 г. — член Петроградского исполкома) и профсоюзах, выбирался на съезды Советов[24].

Материалы на И. Ф. Белова и артель «Красный путь» были направлены для дальнейшего разбирательства в Экономическое управление ОГПУ[25].

Яркой иллюстрацией нравов советских чиновников в годы нэпа является дело заведующего Арендным подотделом Азарита Ильича Лейбовича, которое в сентябре 1925 г. вел уполномоченный Экономического управления ОГПУ в Ленинградском военном округе по фамилии Эрдман. Материалы отложились в личном деле Лейбовича в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД)[26].

А. И. Лейбович соответствовал всем критериям, предъявляемым большевиками к новым чиновникам: был выходцем из пролетарской семьи, партийцем. Он родился в 1893 г. в Петербурге, отец его был лекальщиком на Ижорском заводе в Колпино, потом работал на разных заводах в Петербурге. По состоянию здоровья А. И. Лейбович не смог работать на заводе, поэтому был отдан в учение в зуботехническую мастерскую на Петроградской стороне. В 1914 г. он был призван на военную службу, после Февральской революции 1917 г. избрался председателем ротного комитета, а затем — членом полкового комитета. Вернулся с фронта Лейбович в декабре 1917 г., с августа 1918 г. принимал участие в создании объединенного профсоюза медицинских работников, работал в Губпрофсовете.

В партию большевиков Лейбович решил вступить в конце 1918 г., так как, по его словам, «вполне убедился, что партия коммунистов есть единственная партия, которая стоит на страже интересов трудящихся и могущая защищать их интересы»[27]. Он окончил партшколу, с 1 апреля 1919 г. был зачислен в члены РКП(б).

Осенью 1919 г. Лейбович с работниками профсоюза был направлен на фронт против Юденича. В январе 1920 г. был командирован в распоряжение Губпрофсовета, потом — Отдела социального обеспечения. Далее его перебрасывали с места на место через несколько месяцев: сначала на Биржу труда в качестве заведующего, в марте 1921 г. — в Центральный рабочий кооператив, потом снова в Губпрофсовет, заместителем заведующего отдела. В ноябре 1921 г. он был откомандирован губкомом, который уже полностью взял на себя распределение членов партии на должности в хозяйственные органы, в Отдел коммунального хозяйства, где Лейбович задержался гораздо дольше, чем на предыдущих местах.

В Откомхозе он сразу занял должность заведующего Арендным подотделом.

Примечательно, что за годы карьеры в Откомхозе он дважды привлекался к партийному суду из-за конфликтов с подчиненными и жалоб на него. В 1922 г. был снят партийной контрольной комиссией с занимаемой должности, но решение по неизвестным причинам не было исполнено, и Лейбович продолжал заведовать подотделом. В марте 1923 г. партийная комиссия снова приняла решение об отстранении Лейбовича от должности[28]. Но ситуация со снятием его с должности превратилась в курьез: присланный губкомом на замену ему Русевич после трех недель работы, не успев принять дела, был арестован, причины ареста в Откомхоз сообщены не были. На замену ему губком не прислал никого. Тогда по решению руководителей Откомхоза Лейбович был оставлен в должности до подыскания ему замены[29]. Вероятно, в Откомхозе считали Лейбовича ценным сотрудником, и он продолжал бы и дальше выполнять обязанности заведующего Арендным подотделом, но в сентябре 1925 г. им заинтересовалось Экономическое управление ОГПУ. Лейбович был арестован и привлечен к следствию по обвинению в систематическом получении взяток[30].

Следователь ОГПУ Эрдман допрашивал подозреваемого 23–27 сентября. Показания Лейбовича раскрывают большое разнообразие форм коррупционного взаимодействия чиновника и арендаторов коммерческой недвижимости.

При заключении сделки арендаторы платили вознаграждение должностному лицу. Эта плата принимала различные формы. В 1922 г. торговец из Гостиного двора по фамилии Иордан вручил в несколько приемов Лейбовичу около 100 руб. золотом. За что он получил деньги, Лейбович на допросе не мог вспомнить, предполагал, что за ускорение какого-то дела. В том же году арендаторы Кузнечного рынка Миронов и Шашулин пытались вручить Лейбовичу деньги, но он от них отказался. Тогда арендаторы подарили ему золотые часы, которые он продал через несколько месяцев за 85 руб. золотом. Лейбович припоминал,

что часы были вручены ему за нерасторжение договора на Сенной рынок, но договор через несколько месяцев был расторгнут[31].

Подношения Лейбович получал иногда от незнакомых ему людей, так, он рассказывал: «Примерно в августе 1922 г., когда я шел по Колокольной улице, на углу Дмитровского переулка ко мне подошел неизвестный гражданин и спросил я ли Лейбович. Получив от меня утвердительный ответ неизвестный передал мне письмо и сразу удалился. По вскрытии мною конверта письма никакого не оказалось, а в нем были вложены деньги в переводе на золото рублей 40. От кого эти деньги, я и до сих пор не знаю»[32].

Также Лейбовичу поступали от арендаторов предложения отметить заключение договора, что предполагало совместное употребление спиртных напитков. В 1922 г. арендаторы Мальцевского рынка Тюрихов, Макаров и Яблонский пригласили Лейбовича отпраздновать подписание с ними договора. На квартире, где была устроена выпивка, один из арендаторов вручил Лейбовичу совзнаками рублей 75 в переводе на золото, а кроме того в 1923 г. арендаторы прислали ему на квартиру корзину с продуктами[33]. Очевидно, что такого рода благодарность арендаторов считалась в порядке вещей.

Нередко взятки вручались должностным лицам до заключения сделки, чтобы ее ускорить или получить более выгодные условия. Лейбович давал показания: «В марте или апреле 1925 г. арендатор театра Музыкальной комедии Ксендзовский возбудил вопрос о пристройке в театре верхнего яруса. Мы с ним побеседовали по этому вопросу в моем кабинете. Во время беседы заведующий Отделом по телефону вызвал меня к себе. Вернувшись от заведующего, я в кабинете Ксендзовского не застал. Когда я полез в свой портфель, то обнаружил там 20 червонцев. Кроме Ксендзовского их туда никто положить не мог. Позднее, когда вопрос был уже в стадии разрешения, тот же Ксендзовский вручил мне в июне с. г. в моем кабинете 50 червонцев»[34].

Лейбович приводил другой случай: «Примерно в конце 1922 г. я зачем-то зашел в ресторан "Москва" и встретил там владельца ресторана Пестрикова. О чем мы говорили, я не помню, но Пестриков в разговоре сунул мне в руку деньги, сумма коих в переводе на золото составила около 35 руб. Насколько могу предположить, дача денег была вызвана тем, чтобы на него не нажимали с делом ремонта, так как, сколько припоминаю, у него что-то не было достроено»[35].

Перечисленные Лейбовичем случаи можно разделить на два вида взятки, известные еще в Московской Руси, присутствовавшие в дореволюционном российском уголовном законодательстве: лихоимство (получение служащим вознаграждения за действия, нарушающие действующее законодательство) и мздоимство (получение вознаграждения за действия без нарушения закона)[36].

Улучшать свое материальное положение за счет подношений от арендаторов считали незазорным все сотрудники Арендного подотдела, не только его заведующий. Лейбович признавал это, рассказывая такой случай: «В 1922 г. подчиненный мне Заведующий Канцелярией Арендного подотдела Храбро-

стин по моей просьбе вручил мне в несколько приемов суммы общей сложностью в переводе на золото рублей 75. Взятые деньги я ему не возвратил, и он их у меня не спрашивал. Судя по сумме, Храбростин деньги давал не из своих средств, ибо 75 руб. в то время равнялись моему месячному заработку, а он получал гораздо меньше»[37]. Тем самым Лейбович занимался поборами с незаконных доходов своих подчиненных.

Тот же Храбростин оказывал и другие услуги своему начальнику, в частности приводил ему клиентов. В 1922 г. он познакомил Лейбовича, по словам последнего, «с каким-то гражданином по фамилии Блох или Лох, от которого я лично за отдачу кому-то магазина в Гостином Дворе получил около 40 руб. золотом». Также Храбростин познакомил начальника с гражданином Лобачевым, который попросил Лейбовича ускорить какое-то дело и вручил ему 30 руб.[38]

Важной фигурой в деловых отношениях в годы нэпа являлся посредник, который устраивал дела между чиновниками и частными предпринимателями, государственными организациями, предприятиями. Лейбович часто работал с посредниками: «В 1922 г. гражданин Тараканов передал мне за проведение какого-то дела от имени "Хлебопечения" совзнаками в переводе на золото около 100 рублей»[39].

Лейбович неоднократно имел дело с посредником И. Д. Зельцером. В 1923 г. через Зельцера он получил от арендаторов домов по Горсткиной улице Шустовых около 100 руб.[40] Также Зельцер познакомил его с Мюзимским, который в 1922 г. подал заявление на занятие под гостиницу «Киев» части сгоревшего дома на углу Невского и Владимирского проспектов. По прошествии двух месяцев после подписания договора Лейбович встретил Зельцера, который предложил ему зайти к соарендатору гостиницы «Киев» и его знакомой гражданке Ивановой. Лейбович согласился и на квартире Ивановой застал Мюзимского. Лейбович рассказывал о дальнейшем: «Было устроено небольшое угощение и в результате Мюзимский передал мне лично совзнаками в переводе на золото 50–75 рублей. Когда я спросил, за что эти деньги, то Мюзимский мне ответил, что это он хочет отблагодарить меня»[41].

Зельцер был успешным посредником, устраивавшим дела не только частных предпринимателей. Лейбович показывал: «Завод "Русский мотор" арендовал помещения для своих мастерских. Условия на аренду этих мастерских были выработаны мною. В результате в 1922 или 1923 г. гражданин Зельцер от имени этого завода вручил мне около 100 руб.»[42]. В дальнейшем Зельцер продолжал оказывать услуги заводу «Русский мотор»: он снова обращался к Лейбовичу с просьбой изменить расчет арендной платы для завода[43].

И. Д. Зельцер был тесно связан с Откомхозом. По показаниям Лейбовича, в 1922 г. с гражданином Фегельсоном был заключен договор на аренду бывшего дома общества «Помещик», и Зельцер, «служивший в то время в Губоткомхозе, однажды при выходе из отдела после занятий передал мне от имени Фегельсона около 40–50 руб. золотом»[44]. Таким образом посредники устраивались

на службу в Откомхоз, чтобы более успешно вести свои дела, т. е. происходило сращивание советского аппарата и частного бизнеса.

29 сентября 1925 г. следователь Эрдман закончил следствие и передал дело Лейбовича прокурору[45].

По заключению следователя, заведующий Арендным подотделом Лейбович сознался и был разоблачен в совершении следующих преступных эпизодов (которые при этом не были отражены в доступных нам протоколах его допросов):

«1) будучи в вышеозначенной должности и осведомленный о получении взяток Заведующим Столом рынков и складов Немчиным, вымогал от него часть денег, бесплатно продукты и проч. За все время Немчин в разных видах передал Лейбовичу гораздо более 1000 руб.

2) в мае месяце с. г. Лейбович совместно с заведующим Столом рынков и складов Фроловым (назначенным после Немчина) и своим двоюродным братом Носковичем — Управляющим Покровским рынком нелегально с корыстной целью издал и распространял среди торговцев брошюры "Нормы Арендной платы и правила пользования объектами аренды", получив от реализации брошюр в свою пользу 500 руб.

3) в 1922 г. сдав гражданину Слонимскому в аренду дом № 10 по улице Петра Лаврова, от того же Слонимского принял бесплатно костюм.

4) в июне месяце с. г. была обнаружена растрата 352 руб., произведенная помощником Управляющего Выборгским рынком Бальтрукевичем. Бюро коллектива РКП(б) предложило Лейбовичу дело передать в суд, но таковой никаких мер не принял и вся переписка лежала без движения»[46].

Вероятно, следователь посчитал эти четыре пункта обвинения доказанными. Они в большинстве также укладываются в известную уже схему коррупционных действий: получение взяток от арендаторов, покрытие взяточничества подчиненных и поборы с них. Что касается второго пункта обвинения, то очевидно, что Лейбович не только пользовался сложившимися способами извлечения личной выгоды из служебного положения, но и расширял арсенал поборов, в частности навязывал арендаторам дополнительные услуги (продавал свою брошюру). При этом в заключении следователя большинство пунктов указывают на внутреннюю коррупцию, когда незаконное взаимодействие происходит между сотрудниками учреждения. А Лейбович в своих признаниях делал упор на факты внешней коррупции, происходившей при его работе с арендаторами. Тем самым, не отдавая себе в этом отчета, следователь Эрдман предъявлял обвинение всему Арендному подотделу.

Несомненно, Лейбович в своих признаниях упоминал не все случаи получения взяток от клиентов и подчиненных. Как раз наоборот, он старался уменьшить свою вину, если отрицать ее было уже невозможно. При этом он выставлял себя жертвой обстоятельств, пытался переложить вину на дававших взятки. Но даже если добровольность дачи взяток со стороны арендаторов была инсценирована Лейбовичем в его показаниях, из последних очевидной

становится также готовность предпринимателей, имевших опыт общения с чиновниками, отблагодарить должностное лицо, подготовить тем самым почву для дальнейшего сотрудничества. Опасения большевистских руководителей по поводу пагубного влияния на их аппарат со стороны буржуазных элементов были более чем обоснованны.

Из документов вырисовывается картина взаимовыгодного сотрудничества чиновников и частных предпринимателей, многообразие его форм. Допущенные в экономику в годы нэпа частники, находясь на положении маргиналов, должны были вырабатывать практики взаимодействия с новыми властями, нередко основанные на неформальных личных контактах. Коррупция являлась одним из путей взаимоприспособления частных предпринимателей и представителей государственных структур. Здесь сказывалась также укорененность взяточничества в повседневной культуре российского общества, отработанные и усвоенные навыки. При большевиках нашли свое продолжение традиции взаимоотношений чиновников с населением, когда государственная должность представлялась в первую очередь возможностью обогащения, «кормлением». Произошло быстрое втягивание в коррупционные отношения новых советских госслужащих. Партийная сознательность оказалась непрочной защитой против соблазнов, предоставленных служебным положением. Ликвидация частной собственности при Советской власти, концентрация всех ресурсов и распределения их в руках государства повысили риск коррупции, придали ей новые формы. Резкий всплеск взяточничества в советском аппарате в годы нэпа был обусловлен взаимодействием следующих факторов: расширение государственной монополии, которую проводили силами нового неопытного чиновничества, и одновременное привлечение прежних частно-экономических методов хозяйствования.

---

1 *Зубарев В. И.* Борьба со взяточничеством в Петрограде в начале нэпа, 1921–1924 гг. // Правоведение. 1975. № 6. С. 80–89.

2 *Манько А. В.* Коррупция в России. Особенности национальной болезни. М., 2012. С. 156; *Маркосян Г. М.* Коррупция в СССР в 1920-е годы и борьба с ней: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

3 *Борисова Л. В.* НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84–97.

4 *Воробьев С. В.* Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 2 (25). С. 60–71.

5 *Орлов И. Б., Маркосян Г. М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2011; *Хайнцен Дж.* Коррупция и кампании против взяточничества в период военного и послевоенного сталинизма, 1943–1953 гг. // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 82–96; *Heinzen J.* The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // Slavic Review. 2007. Vol. 66, N 3 (Fall). P. 389–412.

[6] *Воробьев С. В.* Соблазны нэпа. С. 65; *Борисова Л. В.* НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям. С. 89; *Смирнова Т. М.* Демуниципализация домов в годы НЭПа: восстановление жилого фонда или обогащение коммунальных служб? // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 464–480.
[7] Петрогуботкомхоз в 1922 г.: Отчетные данные. Пг., 1923 (март). С. 83.
[8] ЦГА ИПД. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.
[9] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1922. С. 39.
[10] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1922. № 72–73. Ст. 906.
[11] ЦГА ИПД. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1536. Л. 1.
[12] Там же. Л. 1, 2.
[13] См. подробнее: *Кириллова Е. А.* Социальный отбор времен нэпа: критерии, механизмы, курьезы (по материалам комиссии по «чистке» личного состава Отдела коммунального хозяйства Петрогубисполкома 1923 г.) // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 202–211.
[14] ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 5. Л. 3, 6 об.
[15] Там же. Л. 29.
[16] *Епихин А. Ю., Мозохин О. Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики. М., 2007; *Борисова Л. В.* НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям. С. 85.
[17] ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 14. Л. 118, 127, 217, 218, 229.
[18] См. подробнее: *Орлов И. Б., Маркосян Г. М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. С. 102–103.
[19] ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 18. Л. 47 — 47 об.
[20] Там же. Л. 26.
[21] Там же. Л. 15 об.
[22] Там же. Л. 16.
[23] ЦГА ИПД. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 93. Л. 17.
[24] Там же. Д. 87. Л. 21 — 21 об.
[25] ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 14. Л. 119.
[26] ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 657780/1; 657780/2; 657780/3.
[27] Там же. Д. 657780/1. Л. 8 — 8 об.
[28] Там же. Д. 38453. Л. 60, 63 а.
[29] Там же. Л. 77.
[30] Там же. Д. 657780/3. Л. 4.
[31] Там же. Д. 657780/2. Л. 2 об., 3.
[32] Там же. Л. 3.
[33] Там же. Л. 2 об.
[34] Там же. Л. 3.
[35] Там же. Л. 3 об.
[36] *Мохоров Д. А.* Противодействие коррупции на Руси (XIII–XVIII вв.) // Шестнадцатые Петровские чтения: Материалы всероссийской научной конференции 19–20 ноября 2014 г. СПб., 2015. С. 292.
[37] ЦГА ИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 657780/2. Л. 2 об., 3.
[38] Там же. Л. 3.
[39] Там же.
[40] Там же. Л. 2.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Там же. Л. 2 об.
[45] Там же. Д. 657780/3. Л. 5.
[46] Там же. Д. 657780/2. Л. 4.

References

BORISOVA L. V. NEP v zerkale pokazatel'nyh processov po vzyatochnichestvu i hozyajstvennym prestupleniyam. [NEP in the mirror of show trials on bribery and economic crimes. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2006. N 1. P. 84–97.

EPIHIN A. Yu., MOZOHIN O. B. VCHK-OGPU v bor'be s korrupciej v gody novoj ekonomicheskoj politiki. [VChK-OGPU in the fight against corruption in the years of the new economic policy. In Russ.]. Moscow, 2007.

HEINZEN J. Korrupciya i kampanii protiv vzyatochnichestva v period voennogo i poslevoennogo stalinizma, 1943–1953 gg. [Corruption and Anti-Bribery Campaigns During War and Post-War Stalinism, 1943–1953. In Russ.] // Novejshaya istoriya Rossii. 2011. N 1. P. 82–96.

HEINZEN J. The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // Slavic Review. 2007. Vol. 66 (3), Fall. P. 389–412.

KIRILLOVA E. A. Social'nyj otbor vremen nepa: kriterii, mekhanizmy, kur'yozy (po materialam komissii po "chistke" lichnogo sostava Otdela kommunal'nogo hozyajstva Petrogubispolkoma 1923 g.) [Social selection of the NEP: criteria, mechanisms, curiosities (based on documents of the personnel purge commission led by the Municipal Economy Department of the Petrograd Provincial Executive Committee 1923). In Russ.] // Novejshaya istoriya Rossii. 2013. N 2. P. 202–211.

MAN'KO A. V. Korrupciya v Rossii. Osobennosti nacional'noj bolezni. [Corruption in Russia. Features of the national disease. In Russ.]. Moscow, 2012.

MARKOSYAN G. M. Korrupciya v SSSR v 1920-e gody i bor'ba s nej: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk. [Corruption in the USSR in the 1920s and the fight against it: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences. In Russ.]. Moscow, 2010.

MOHOROV D. A. Protivodejstvie korrupcii na Rusi (XIII–XVIII vv.) [Combating corruption in Russia (13th–18th centuries). In Russ.] // Shestnadcatye Petrovskie chteniya: Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii 19–20 noyabrya 2014 g. St. Petersburg, 2015. P. 290–295.

ORLOV I. B., MARKOSYAN G. M. Vzyatka i bor'ba s nej v gody nepa. [Bribery and the fight against it during the NEP years. In Russ.]. Moscow, 2011.

SMIRNOVA T. M. Demunicipalizaciya domov v gody NEPa: vosstanovlenie zhilogo fonda ili obogashchenie kommunal'nyh sluzhb? [De-municipalization of houses during the NEP years: restoration of housing stock or enrichment of communal services? In Russ.] // NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty. Moscow, 2006. P. 464–480.

VOROB'EV S. V. Soblazny nepa: dolzhnostnye prestupleniya otvetstvennyh rabotnikov i hozyajstvennyh rukovoditelej Urala v 1920-e gody. [The temptations of the NEP: malfeasance of responsible workers and economic leaders of the Urals in the 1920s. In Russ.] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2014. Vol. 2 (25). P. 60–71.

ZUBAREV V. I. Bor'ba so vzyatochnichestvom v Petrograde v nachale nepa, 1921–1924 gg. [The fight against bribery in Petrograd at the beginning of the NEP, 1921–1924. In Russ.] // Pravovedenie. 1975. N 6. P. 80–89.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. А. Кириллова. Коррупция в коммунальном хозяйстве Ленинграда в годы нэпа (по материалам Арендного подотдела) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 87–100

Аннотация: В статье изучается коррупция в городском хозяйстве Ленинграда в годы нэпа. Наиболее распространенной формой коррупции являлось взяточничество, которое рассматривается в статье как взаимодействие и взаимовыгодное сотрудничество между чиновниками и частными предпринимателями. Яркой иллюстрацией нравов советских чиновников в годы нэпа является дело заведующего Арендным подотделом А. И. Лейбовича, которое в сентябре 1925 г. вел уполномоченный Экономического управления ОГПУ в Ленинградском военном округе. Традиции взаимоотношений чиновников с населением нашли свое продолжение при Советской власти. Расширение государственной монополии, ликвидация частной собственности, концентрация всех ресурсов и распределения их в руках государства, появление необходимого для этого аппарата управления повысили риск коррупции, придали ей новые формы.

Ключевые слова: нэп, Ленинград, Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз), Арендный подотдел, коррупция, взяточничество, совслужащие, частные предприниматели, Экономическое управление ОГПУ.

FOR CITATION

Elena Kirillova. Corruption in the communal services of Leningrad during the NEP years (based on the materials of Rental Department) // Petersburg historical journal, 2021, no. 2, pp. 87–100

Abstract: The article studies corruption in the communal services of Leningrad during the NEP. The most common form of corruption was bribery which is considered in the article as interaction and mutually beneficial cooperation between officials and private entrepreneurs. A vivid illustration of the morals of Soviet officials during the NEP years is the case of the Head of the Rental Department A. I. Leibovich which in September 1925 was led by an authorized representative of the OGPU Economic Department in the Leningrad Military District. The traditions of bribery in the everyday culture of Russian society were continued in the relations of officials with the population under Soviet power. Liquidation of private property, concentration of all resources and their distribution in the hands of the state, emergence of a new administrative apparatus increased corruption in government, gave it new forms.

Key words: NEP, Leningrad, Department of municipal economy (Otkomkhoz), Rental Department, corruption, bribery, soviet employees, private entrepreneurs, Economic Department of OGPU.

Автор: **Кириллова, Елена Анатольевна** — к. и. н., независимый исследователь (Санкт-Петербург).
Author: **Kirillova, Elena Anatol'evna** — Candidate of History, independent researcher.
E-mail: yahook7@gmail.com